

УДК 94(436).08

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/7

СОВРЕМЕННЫЙ МАДЬЯРИЗМ В ПЕРСПЕКТИВАХ УГРО-СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ И ЖИЗНИ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович показывает влияние славянского фактора на историю Венгрии и современный процесс мадьяризации страны. Он анализирует эту политику, указывает на невозможность ее осуществления и ее вред для Венгерского государства.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Венгрия, славяне, русины, мадьяризация.

MODERN MAGYARISM IN THE PERSPECTIVES OF A UGRO-SLAVIC HISTORY AND LIFE

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich shows the influence of the Slavic factor on the history of Hungary, the contemporary process of the Magyarization of the country. He analyzes this policy, he points out the impossibility of its realization and the detriment of it for Hungarian statehood.

Keywords: A.S. Budilovich, Hungary, Slavs, Rusins, Magyarism.

I

Приблизительно за тысячу лет тому назад угорской или мадьярской ордой Арпада разрушено было Великоморавское государство Моймировичей, игравшее столь видную роль на заре славянской истории, особенно при основании свв. Кириллом и Мефодием славянской церкви и письменности. На развалинах этого государства в первом десятилетии X века возникло государство Угорское (или, по польской огласовке, Венгерское), которое при всех превратностях судьбы сохранилось, хотя и условно, до наших дней, пережив кру-

шение многих других смежных государств, напр., Чешского, Польского, Хорватского, основанных приблизительно в ту же пору.

Много было споров о том, чем объясняется такая живучесть Угорского государства и мадьярской народности, которая, будучи оторвана за тысячу лет назад от своего урало-алтайского ствола и заброшенная судьбой на дальний запад, сохранилась донине в долине Тисо-Дунайской, тогда как от более могущественных некогда кочевников, напр., гуннов, аваров, печенегов, никаких следов в этой долине не осталось? Одни объясняли эту историческую и этнологическую загадку выдающимся политическим смыслом мадьярского племени и вышедших из его среды государственных деятелей, вроде Арпада, св. Стефана, св. Ладислава, Бела IV, Людовика Великого, Яна Гуниада, Матвея Корвина, Запольи, Батория, Бочкая, Бетлени, Текели, Ракоци и др.; другие – приливом в Угрию XI-XIII вв. новых половецких или куманских орд, а также оказанной мадьярам в XVI-XVII вв. поддержкой со стороны родственного им турецкого племени и государства; третьи – неорганическим характером культурных воздействий на угорские народы со стороны столь искусственных образований, как латинская церковь, латинский дипломатический язык, латинское законодательство и управление, сословная конституция, иноземный двор и т. п.; иные, наконец, – исключительно благоприятным географическим и культурно-историческим размещением мадьяр в том поясе, где мир греко-славянский соприкасается с латино-немецким и взаимно уравнивается им, вследствие чего тут образовалась как бы мёртвая точка, где не могли вполне проявиться ассимилирующие силы ни одного из этих двух противостоящих миров¹.

Но нас занимает теперь вопрос не о причинах долговечности Угорского государства и живучести мадьярской народности, а об отношениях первого и второй к историческим задачам и жизненным интересам закарпатского славянства; другими словами, желательно бы выяснить: является ли мадьяризм как одна из основных стихий Угорского государства полезным или вредным деятелем в прошедшем и настоящем западного славянства и вообще в развитии греко-славянской образованности?

II

На этот вопрос были высказаны и в западной, и в славянской науке два противоположных мнения: одни считали вторжение в Тисо-Дунайскую долину дикой мадьярской орды вредным для интересов и человечества, ибо это вторжение повлекло за собой опустоши-

¹ Ср. мою статью: Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 19-20.

тельные набеги мадьяр на Германию, Италию, Францию, напомнившие времена гуннов и авар, и германизма, отброшенного из Паннонии в страны подальпийские, и, наконец, славянства, разбитого мадьярским клином на две части, изолированные усилия коих были недостаточны для борьбы с Германской империей; другие же, наоборот, признавали это событие если и прискорбным для тогдашних поколений закарпатского славянства, то, вместе с тем, по последствиям благотельным для него, ибо мадьярская орда, как некогда гуннская и аварская, а впоследствии и турецкая, отодвинула от Среднего Дуная к Литове (Лейте) пограничную черту Германии и, следовательно, спасла долину Тисо-Дунайскую от окончательного затопления немцами. С особой обстоятельностью рассмотрен этот вопрос К. Я. Гротом в сочинении «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» (СПб., 1881, стр. XI-XXI), где доказано, что Велико-моравское государство было слишком слабо для усиленной борьбы с Германией и, следовательно, предоставленное собственным силам, не могло бы охранить долины Тисо-Дунайской от постепенной германизации.

Но возникает вопрос: если даже допустить относительную пользу мадьярского вторжения в эту долину при ее государственных и народных отношениях в IX-X вв., то не было ли в дальнейшем ходе угорской истории переходов, когда мадьяризм оказывался, пожалуй, уже ненужным или даже вредным для местных и смежных славян и вообще для греко-славянского мира?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить два обстоятельства: 1) не возникло ли потом в странах прикарпатских государства и народа, которые лучше Угрии и мадьяр обеспечили бы от германизации долину Тисо-Дунайскую? и 2) не оказались ли потом мадьяры изменниками греко-славянства, и не стали ли они культурными спутниками или слугами чужого, латинско-немецкого мира?

Ответы на эти вопросы не представляются столь лёгкими, как бы могло казаться, ибо ни в славянской, ни в западной литературе не имеется сочинений, где история закарпатских областей была бы изложена под таким греко-славянским углом зрения. У старых угорских историков имеется, конечно, много данных о значении славянской стихии в судьбах старой Угрии: но мадьярские историки новейшего времени тенденциозно обходят этот вопрос или даже стараются его запутать, чтобы тем рельефнее выдвинуть то действительные, то мнимые заслуги в угорской истории и жизни мадьярского элемента. Но всё-таки в общих чертах возможно и теперь оценить его значение в жизни западного славянства.

III

Рассматривая историю западных славян со времени падения Великоморавии или, вернее, превращения её в Угriu, мы замечаем, что хотя в разные эпохи появлялись там довольно могущественные государства, напр., болгарское при Самуиле Шишманиде и Иоанне Асене II, сербское при Стефане Душане, хорватское при Кресимирах, чешское при Оттокаре II, Карле IV, Юрии Подебраде, польское при Ягеллонах, Батории, Сигизмунде III, но всё-таки ни одно из них не могло обеспечить государственной самобытности даже ближайших своих областей. Все эти государства пали под ударами то Византии, то Венеции, то Германии, Турции и т. д. Нет никаких оснований предположить, что их упадок был бы предотвращён в случае завоевания любым из них долины Тисо-Дунайской, тем более что были эпохи, когда названные государства вступали в династические союзы или унии с государством Угорским (напр. хорваты в XII в., Польша при Людовике Великом и некоторых Ягеллонах, Чехия при Сигизмунде Люксембургском и т. д.), что не спасло, однако, их от крушения. Если чехи не сумели отстоять от немцев даже своих кровных областей в Чехии, Моравии, Силезии, если поляки вынуждены были уступить немцам всё ляшско-балтийское поморье, и поляки даже не могли утвердиться в польской Силезии, Великой Польше, на устьях Вислы, то могли ли они что-либо предпринять для сохранения за греко-славянством долины Тисо-Дунайской? Что же касается югославян, то встарь, как и ныне, мечты их были обращены не на Тису или Дунай, а на юг, к тёплым побережьям то Адриатики, то Эгейского моря, то к заветным стенам Цареграда.

Было время, когда и наши Рюриковичи находились в живых сношениях с угорскими Арпадовичами, когда, по свидетельству «Слова о полку Игореве», Ярослав Осмомысл Галицкий «подпирал своими железными полками горы угорские, заступая королю (угорскому) путь, затворив Дунаю ворота, суды рядя до Дуная»; но и в ту пору государи червонорусские не могли прочно утвердиться за Тисой. Впоследствии же Русь была отделена от Угрии землями польско-литовскими, что отчасти продолжается доныне, благодаря роковой ошибке, допущенной русскими дипломатами при разделах Польши по отношению к областям червонорусским. Ракоци II при неравной борьбе с императором германским пробовал было завязать сношения с Петром Великим, но это оказалось столь же затруднительным при чересполосности владений, как и впоследствии при императоре Николае I, когда Гергей с согласия Кошута отдавал Угriu под русское покровительство при капитуляции под Вилагошем. Отсюда следует, что и по падении Великоморавского государства не было

ещё на славянском западе государства или народа, которое имело бы и средства, и охоту взять на себя охрану для восточнохристианского мира славянского Закарпатья и областей Тисо-Дунайских.

IV

С другой стороны, нельзя не признать, что мадьяры, находясь в течение десяти веков в полнейшем взаимодействии со славянами, невольно уподобились им по физическому и нравственному типу, так что ныне являются одним из органических звеньев греко-славянского мира. На это указывает прежде всего принадлежность мадьяр к тому же чудскому племени, к которому принадлежат наши эсты, финны, лопари, зыряне, вотяки, мордва, черемисы, и которое неразрывно связано с русским народом с той отдалённой поры, когда, по преданию нашей Начальной летописи, «словене, кривичи и чудь» призвали варягов владеть и княжить в русской земле. Раньше прибытия в долину Тисо-Дунайскую мадьяры долго ведь жили под Уралом, на Волге, по Дону, Днепру и Нижнему Дунаю, где имели достаточно времени пропитаться славянскими стихиями ещё до основания Угорского государства. Впоследствии подмесь славянской крови в мадьярскую не прерывалась на протяжении целого тысячелетия, так что, с точки зрения антрополого-этнографической, трудно ныне определить в Закарпатье, где мы имеем дело с чистым мадярином, а где с мадяризованным славянином. Во всяком случае, мы не найдём там даже в пуштах Альфельда того белокурого или, как выражается простонародье, желтоглазого чухонца, который признается коренным представителем чудской или гиперборейской расы.

Ещё труднее допустить существование чистой чудской крови в среде мадьярской знати, немешей, интеллигенции, ибо с древнейших времён она имела в полиглотной Угрии смешанный характер. Если же могла идти речь о преобладании в этой среде той или другой народности, то таковое скорее принадлежало угро-славянам, а не мадьярам, за исключением разве первых десятилетий угорской истории. В доказательство можно сослаться на имена множества видных деятелей старой и новой Угрии, каковы, напр., Вранчич, Дражкович, Кеглевич, Юришич, Колонич, Зринский-Шубич, Запольский (Заполья), Раковский (Ракоци), Франкопан, Другет, Сечени, Кошут, Петрович (Петефи), Хорват, Слави, Тот (словак) и др. Даже нынешний так называемый национальный костюм мадьярской знати (вроде гусарского) напоминает народное одеяние словаков и хорватов, а никак не костюм настоящих мадьярских крестьян, сохранивших в пуште широкие платья наших малорусских поселян, унаследованные от степных кочевников.

Но особенно ярко отражается сильнейшее влияние славян на мадьяр в языке последних. На это было обращено внимание ещё в XVI в. знаменитым угорским государственным деятелем и лексикографом Вранчичем (Verantius †1617). Мадьярский же филолог Данковский в своём «Критико-этимологическом лексиконе мадьярского языка» (1833-36 гг.) насчитал между 4668 коренными словами этого языка не менее 1898 славянских и только 962 бесспорно мадьярских. Правда, Данковский не считается безупречным этимологом; но его выводы в значительной степени были потом подтверждены и Миклошичем. В сочинении «Die slawischen Elemente im Magyarischen» (Вена, 1871 г.) он представил доказательства славянского происхождения 956 мадьярских коренных слов, относящихся к быту церковному, государственному, экономическому и частному. Между этими заимствованиями находятся столь необходимые термины культурного быта, как названия дней недели, всех почти публичных должностей, важнейших культурных растений и животных, предметов земледелья и промышленности, домашней утвари и костюмов, членов семьи и множества племенных и местных названий. Уже из этого видно, какое обширное влияние имели славяне на все стороны культурной жизни мадьяр.

V

Это вполне подтверждается и фактами угорской истории, несмотря на крайне слабую разработку в науке вопроса о культурном взаимодействии славян с мадьярами на всём протяжении этой истории. Так мы знаем, что ещё при жизни славянских первоучителей мадьяры дважды приходили с ними в соприкосновение: раз в Крыму, во время хазарской миссии братьев, а позже – на Нижнем Дунае, незадолго до смерти св. Мефодия². Оба раза мадьяры с благоговением выслушали поучения славянских апостолов и поручили себя их молитвам. Неудивительно, что, заняв несколько позже долину Тисо-Дунайскую, мадьяры довольно скоро вошли в церковную организацию, унаследованную от Великоморавского государства, и приняли христианство в формах греко-славянской церкви³. Лишь после св. Стефана, который, по славянскому преданию, «преставился в благочестивой вере, отошел с миром в царство небесное»⁴, постепенно усилилось в Угрии влияние церкви латино-немецкой. Но всё же и в XI-XII вв. в ней на каждом шагу видны следы церкви греко-сла-

² Fontes Rer. Boh. 1, 13, 51.

³ Ср. мои: Очерки из церковной истории западных славян (Варш., 1880 г., с. 95-122), Общеславянский язык (СПб., 1892, II, 71-81).

⁴ Общеславянский язык, II, 72.

вянской, которая уже позже, при Анжуйцах, Ягеллонах, Габсбургах, была вытеснена церковью латино-немецкой путём разного рода церковных уний. Однако и теперь ещё мажарские поселенцы с благоговением относятся к «вере старой» (o hit) и совершают требы в её церквях при опасной болезни или в других трудных положениях.

Правда, в среде мажарской интеллигенции мы нередко встречаем и очень враждебное отношение к «старой вере», но это объясняется не народными воззрениями и преданиями мажар, а новыми веяниями, распространяемыми то из Австрии, то из Польши, более же всего из среды мажарских масонов и евреев, составляющих ныне уже заметную примесь в мажарской интеллигенции. Всё же и в этой среде возникали уже попытки образования из унии всех греко-христианских церквей особой мажарской или, вернее, угорской церкви, наподобие галликанской во Франции. Отчасти это и осуществляется на деле введением, напр., мажарского языка вместо церковнославянского в богослужение некоторых униатских церквей на Верхней Тисе, Бодроге, Гернаде, вопреки запрещением папы, который боится создать прецедент для введения мажарского языка вместо латинского в богослужение и угорских католиков. Да и новейшие церковно-государственные законы Угрии, открывшие возможность для мажарских католиков и кальвинистов переходить даже в еврейство, указывают на полное крушение в нынешней Угрии идей Пазмана, Караффы, Колонича, которые в XVII в. думали уже утвердить в Угрии католичество на развалинах не только протестантского, но и всех других христианских исповеданий, в том числе и заветного o hit'a.

В этом отношении мажарское общество имеет теперь бесспорное преимущество не только перед польским, но, пожалуй, и перед чешским, словинским, в среде которых идеи папизма нередко перевешивают соображения народной пользы и даже инстинкты народного самосохранения. Конечно, православие стоит ныне в глазах мажарского правительства и общества ниже всех прочих христианских исповеданий; но и это объясняется скорее государственными и племенными, чем вероисповедными условиями угорской жизни.

VI

В области государственных отношений Угория не только в период Арпадовский, но и потом, при Людовике Великом, Гуниадовцах, Ягеллонах, находилась в самом тесном и непрерывном взаимодействии с наследием Великоморавского государства и со смежными славянскими народами. То, что называется несколько легендарно конституцией св. Стефана, основанной на жупном устройстве госу-

дарства, широком развитии вековых учреждений, децентрализации управления и федеративной связи племенных особей этого полиглотного целого, зародилось не в голове этого замечательного государя и не заимствовано из Германии, а осталось по наследству от государства Великоморавского. Потому-то и перешло в мадыарский язык из славянского такое множество терминов государственного быта, вроде, напр., краль (kiraly), жупан (ispan), князь (kenez), двор, придворный (udvar, udvarnok), стольник (asztalnok, talnok), товарник (tarnok), воевода (vajda), пристав (prisztaldus), слуга (szolga), стража (strazsa) и т. п. То же выражается во множестве славянских местных названий, перешедших и в мадыарский язык, напр. Пешт, Печь (Ресс, т. е. пять церквей, Fünfkirchen), Вышеград, Серенч (сържшти), Блатно и т. п.

Конечно, впоследствии, с XII-XIII в., всё сильнее стали вторгаться в Угрию вместе с папизмом и германизмом политические и социальные учреждения феодального Запада с постепенным усилением магнатов и шляхты (немешей) и порабощением крестьян; но частые крестьянские бунты в старой Угрии доказывают, что там в низах населения не умирали начала старославянского уклада общественной и народной жизни.

Международные отношения старой Угрии не отличались от смежных славянских стран. Те же бесконечные войны с немцами, а от времени и с восточными ордынцами, напр. с полчищами нашего Батыя в XIII в., а турецких Магометов, Мурадов, Баязетов, Саламанов в XIV-XVII вв. Только в борьбе Премысла Оттокара II Чешского с Рудольфом Габсбургским угорский король Владислав IV помог последнему (в 1278 г.), чем и посодействовал грядущему величию Габсбургского дома. Это была, конечно, крупная ошибка, но не совершил ли подобной и названный Премысл II, когда пособил немецкому ордену в войне с прусскими литовцами и, между прочим, основал г. Кенигсберг (в 1255 г.), послуживший одной из главных твердынь балтийского германизма в войнах с литовцами, поляками и другими народами греко-славянской системы! А позже не повторил ли того же Иоанн Собеский под Веной, а Александр I – при освобождении немцев от Наполеона I? Да и император Николай I склонен был в период Крымской войны сравнивать себя с Собеским за спасение в 1849 г. Австрии, «удивившей позже мир своей неблагодарностью», по хвастливому изречению гр. Буоль-Шауенштейна, хотя возможна и другая, менее пессимистическая оценка нашей венгерской кампании⁵.

⁵ Ср. мою брошюру «О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов».

Во всяком случае, на греко-славянском западе никто – за исключением разве гуситских чехов – не отстаивал своей государственной независимости от немцев с таким упорством и одушевлением, как Угория. Когда же её собственные силы оказались недостаточными для отражения напора со стороны Германской империи, в которой при Карле V не заходило солнце, то угорские государственные люди, напр. Заполья, Бочкай, Бетлен, Текели, Ракоци, Зринский, Франкопан и др., предпочитали признать покровительство Турции, которая представлялась менее опасной для культурных и бытовых основ, чем империя Габсбургов. В конце XVIII в., когда под влиянием отчасти французской философии и революции, отчасти германизационных экспериментов Марии Терезии, Иосифа II, Фридриха II, особенно же благодаря ослаблению Турции и возвышению России при Екатерине II, началось медленное пробуждение и западных, и южных славян, и некоторых других народов греко-славянского мира, стали и угорские народы просыпаться от векового усыпления, в том числе с наибольшей энергией и сплочённостью – мадьяры. Если же народы эти всё-таки и доныне не добились хотя бы такой лишь степени государственной независимости, какой могут теперь похвастаться некоторые православные народы греко-славянского юго-запада, напр. черногорцы, сербы, болгары, греки, румыны, то объясняется это и некоторыми крайностями мадьярского возрождения, о которых скажем ниже. Но никто не станет отрицать, что завоевания германизма в течение XIX в. гораздо заметнее на племенном поле народностей польской, чехо-моравской, словинской, чем на заветных для Германии со времён Карла Великого равнинах древней Паннонии, а нынешней Угрии.

VII

Но можно ли согласить с теорией о принадлежности Угрии вообще, мадьяр в частности к восточному или южнославянскому миру утвердившееся, по-видимому, в ней господство чуждого славянству мадьярского языка и основанной на нём литературы?

Если бы иметь в виду единственно происхождение этого языка и его строение, то на вопрос этот следовало бы ответить отрицательно, так как язык мадьярский как один из финских или урало-алтайских, будучи построен не на флексии, а на агглютинации, гораздо ближе примыкает к языкам тюркским, чем к славянским и вообще арийским. Но если вспомнить, что в своём лексиконе мадьярский язык чуть ли не на треть корневого состава пропитан славянскими стихиями, которые отражаются также в мадьярской грамматике,

напр. в некоторых суффиксах и в формах спряжения⁶, то указанная морфологическая и генеалогическая дальность мадьярского языка от славянских значительно сокращается.

К тому же нужно иметь в виду, что в древнейший период угорской истории не мадьярский, а славянский, именно церковнославянский язык господствовал и в церковном, и в государственном, и в общественном употреблении. Иначе куда приурочить массу памятников этого языка, именуемых паннонскими и относимых к X, XI, XII векам? Да и старая легенда о кошельке св. Стефана с вышитой на нём церковнославянской надписью⁷ указывает на распространённость этого языка в Угрии Арпадовского периода. То же подтверждается указанным выше обилием славянских и, в частности, церковнославянских⁸ терминов, уцелевших в языке мадьярском и новейшего времени.

Только раннее распространение в Угрии латинского языка в церковном, государственном, а впоследствии и общественном употреблении постепенно ограничило область применения в ней языка церковнославянского, хотя, конечно, латинский язык как мёртвый не мог заменить для угорского общества языков живых: между последними особенно распространён был в Угрии Верхней язык словацкий или (с гуситского периода) чехо-словенский, а в Угрии Нижней – сербохорватский, игравший в XV-XVII вв. выдающуюся роль и в Константинополе⁹. Кое-где употреблялся, конечно, уже в старой Угрии и язык румынский (особенно в Семиградии), а у семиградских саксов в рудных городах Верхней Угрии и в пограничной полосе - угро-австрийской, различные диалекты языка немецкого. Но более широкое значение стал получать в Угрии этот последний только со времени Марии Терезии и Иосифа II, в затем в XIX в., при Меттернихе, Бахе, Шмерлите.

Что же касается языка мадьярского, то чрезвычайно слабая распространённость его в старой Угрии доказывается скудостью уце-

⁶ Miklosich, Die slav Elem im Magyar, 4.

⁷ Хранится в женском капucinском монастыре и считается теперь архиерейским чулком XII-XIII в.

⁸ Сюда относятся, напр., мадьярские слова: donga (джга), gomba (гжба), galamb (голжба), korong (кржг), munka (мжка), и г. Munkacs (Мукачев), paranesol (поржчил), szombot (сжбота), szomsed (сжсед), Ungvar (г. Ужгород, от р. Уг, Ужок); menta (мжта), pentak (пжтк, пятница), rend (ржд), szent (свжт), szerencse (сржшти), Lengyel (Лжх, лях), szombor (Сжбор), Pest (Пеш) и т. д. Ср. Mikl. Die slav. Elem. im Magyar., 9.

⁹ Ср. моё соч.: Общеслав. язык II, 191-196; 172-173.

левших его памятников. От времени Арпадовичей сохранилось всего два отрывка на этом языке, а именно: 1. Погребальное слово, в Пресбургском (ныне Будапештском) латинском миссале XIII в. и 2. Отрывки песни о непорочном зачатии, в Кенигсбергской рукописи XIV в. Несколько шире развилась мадьярская, церковная же по характеру письменность в XV и XVI вв. под влиянием сначала гуситского, а потом протестантского движения, выражаясь в легендах, переводах Библии и в полемических трактатах. Мадьярское же бытописание и поэтическая литература развивается собственно со второй половины XVI и в XVII в., когда этот язык мало-помалу проникает и в государственную область, особенно в Семиградии, при князьях Бочкае, Бетлене, Ракоци, поборниках не столько мадьяризма, сколько протестантизма.

Замечательно, что одним из первых по времени и достоинству мадьярских поэтов, как бы Ломоносовым их изящной литературы, был хорватский бан Николай Зринский (меньший), воспевший в 1651 г. на мадьярском языке «Гибель Сигета», где отличился другой, ещё более знаменитый Зрини, член той же знатной и древней хорватской фамилии.

Когда же после некоторого перерыва, обусловленного австро-иезуитской реакцией при Леопольде I и германизационными стремлениями Иосифа II, началось с конца XVIII в. более живое и непрерывное развитие мадьярской литературы, отмеченное именами Бешени (Bissenyi), Кишфалуди (Kisfaludy), Казинци (Kazincy) и за ними литературных героев XIX в. Верешмарты (Vörösmarty), Петефи (Petöfy), Арани (Arany), Йокая (Jókai), Мадаха (Madach) и др., то в этом движении приняли деятельное участие и угорские славяне, давшие мадьярам первого корифея их поэзии Петровича-Петефи. Равным образом и в научной мадьярской литературе XIX в., а также в мадьярской публицистике славянские вклады так значительны, что, быть может, и перевешивают вклады мадьяр, но это нелегко доказать примерами по той причине, что в Угрии, особенно новейшего времени, очень распространён обычай переименования своих фамилий. Да и в старое время, когда вопрос национальный ещё не играл роли, широко действовал в Угрии процесс смешения в высших и средних слоях населения разных народностей, с видоизменением фамильных названий в духе то латинского, то немецкого, то подчас и мадьярского языка. Впрочем, и сами мадьяры не отрицают ныне смешанного по племенному происхождению состава своей интеллигенции, а, следовательно, и своих писателей, ибо они употребляют слово «*magyar*» не в видовом только, но и в родовом значении, т. е. в смысле совокупности всех народностей Угорского государства,

насколько они признают «мадьяризм» национальной основой этого государства.

VIII

На этом последнем пункте мы должны остановиться несколько подробнее, так как в нём заключается разгадка того племенного антагонизма, который развился в Угрии новейшего времени и составляет главнейшее препятствие к упорядочению запутанных ныне мадыаро-славянских отношений.

Хотя возрождение мадыарского языка и литературы началось почти одновременно с таковым у западных славян и отчасти по сходным причинам, почему, думается, могло бы развиваться в направлении параллельном с развитием народностей и литературы западно-славянских, в частности же угро-славянских; однако с конца XVIII в. стало вкрадываться у мадыар в эту область такое стремление, которое не замедлило вызвать ожесточённое сопротивление со стороны всех немадыарских народностей Угрии. Увлечённые пылом борьбы с германизаторскими затеями Иосифа II мадыары или, вернее, их интеллигенты и шляхта (немешы) возомнили, что мадыарский язык призван в Угрии к той роли дипломатического или государственного языка, которая прежде принадлежала в Угрии языку церковнославянскому, потом латинскому, а со времени Марии Терезии и Иосифа II стала переходить к немецкому. Мало того, в среде мадыарской интеллигенции постепенно стало вырабатываться убеждение, что полиглотная со времён Ростислава Великоморавского и св. Стефана Угория может ещё переродиться в государство одноязычное, вроде Италии, Испании, Франции, и что роль такого племенного объединителя может принять на себя народ и язык мадыарский. Само собой, понятно, что все остальные народы и языки Угрии должны по этому плану перейти в положение национальных илотов, а затем и исчезнуть в массах мадыаризма.

Впервые проявилось у мадыар такое стремление на Пресбургском сейме 1790-1791 гг. Но окончательно оно окрепло в эпоху Меттерниха и Сечени и нашло себе открытое выражение в сеймовых декретах 1840 и след. годов. Мадыарский язык был объявлен тогда обязательным для всех граждан Угрии, а мадыарская национальность – их общей патриотической обязанностью.

Но так как подобное смешение терминов *угорский* (т. е. входящий в состав Угрии) и *мадыарский* (т. е. принадлежащий к мадыарской народности), основанное на скудости мадыарского языка, издревле употребляющего и в географическом и в племенном значении одно и то же название - *магуар*, *Magyarország*, противоречит всем историческим преданиям Угрии, которая со времён св. Стефана со-

знавала себя свободной федерацией населяющих её народов¹⁰, а не закрепощением одних из них другими, с другой же стороны, в виду того, что подобное посягательство одной народности на самое существование других не могло не вызвать в среде последних вековечных и неподавимых никакими софизмами инстинктов жизни, то стало очевидным, что на этой почве должна была возгореться смертельная борьба между дружественными дотоле народностями Угрии, полезная не для них, а единственно для *tertius gaudens* в соседней Германии.

Это и случилось в 1848-49 гг., когда все почти немадьярские народы Угрии, особенно же сербо-хорваты, словаки, угорорусы и румыны восстали против диктатуры Кошута, хотя он старался задобрить народные массы некоторыми социально-экономическими реформами. При таких условиях не могла и Россия оставаться безучастным зрителем происходившего в Угрии истребления славян и румынов мадьярскими террористами, что и привело в 1849 г. к полному крушению мадьяризма под Вилагошем.

IX

Можно было подумать, что этот печальный урок не пропадёт для мадьяр, и что в будущем они с большей верностью будут держаться народно-федеративной программы, завещанной св. Стефаном, вместо того чтобы увлекаться надеждами насильственного превращения Угрии в *regnum unius linguae unisque moris*, которое на памяти ближайшего поколения оказалось столь *imbecille et fragile*, выражаясь словами св. Стефана. К сожалению, это не оправдалось. После неудачного для Австрии исхода войн – итальянской в 1859 г. и прусской в 1866 г. – мадьяры, пользуясь её слабостью, успели малопомалу отвоевать для себя в Угрии приблизительно то же народно-язычное положение, какое они занимали в 1840-х годах, и постепенно утвердили в ней не гегемонию только, но прямо терроризм мадьярского языка и мадьярской «политической национальности».

Правда, в первых адресах угорского сейма 1860-61 и 1864-65 гг., составленных по указаниям наиболее дальновидного из мадьярских политиков Деака, в ходатайствах о восстановлении государственных прав мадьярского языка ещё не было выражаемо посягательства на вынесение всех немадьярских языков из деловодства в областных присутствиях, в делах церковных, школьных,

¹⁰ Достаточно напомнить при этом данный св. Стефаном в завещании его сыну Эмерику совет - памятовать (на угорском престоле), что *unius linguae unisque moris regnum imbecile et fragile est*. Cp. S. Stephani Decretorum lib. I, cap. VI.

научно-литературных и т. д. В пресловутой 44 статье закона 1868 г. о народностях даже гарантированы были некоторые права и некоторый простор для языков немадьярских. Но вскоре оказалось, как это недавно разъяснено в угорском сейме депутатами Линднером (семиградский сакс, бывший профессор Колошварского университета по кафедре угорского права), Веселовским (словак) и Колларом (тоже), что забыты и добрые намерения Деака, и обещания упомянутых адресов, и даже закон 1868 г., который доньше остаётся мёртвой буквой, по собственному заявлению мадьярских депутатов сейма и самих министров.

Совершенно подавив немадьярские языки собственной Угрии и Семиградии, мадьярский язык с каждым днём всё более надвигается и на области Триединого королевства, особенно Загреб и Реку (Fiume), протесняясь к тёплым побережьям сербо-хорватской и словинской Адриатики.

Но особенно пострадали при этом словаки и наши ближайшие соплеменники угрорусы в северных и восточных жупаниях Угрии, где мадьярский терроризм выражается всего сильнее.

Такие факты, как закрытие в Турчанском св. Мартине словацкой матицы с конфискацией её библиотеки, архива, капиталов дома, а затем закрытие всех трех словацких частных гимназий по голословному, сознательно фиктивному обвинению в «панславизме» или антигосударственных стремлениях; как преследование по судам и тюрьмам словацких публицистов и учёных, всё за те же якобы антигосударственные агитации; как насильственный увод и увоз от словацких матерей их собственных детей с передачей их мадьярским поселянам Альфельда, якобы для улучшения судьбы и воспитания этих детей, призванных стать как бы янычарами хиреющего мадьяризма; как мадьяризация всех угрорусских, даже конфессиональных, средних и множества низших школ; как введение мадьярского языка даже в богослужение многих угрорусских униатских приходов; как навязывание словакам и угрорусам детских приютов для мадьяризации их детей за счёт самих родителей; как мадьяризаторская деятельность особых обществ (Енека, Femка), явно задавшихся целью вытравлять всеми мерами все немадьярские народности, особенно словацкую и угрорусскую; как полнейшая деморализация сеймовых выборов, нередко с поддержкой военной силы; как расстройство всех экономических отношений страны, особенно у горцев словацких и угрорусских, вынужденных спасаться от высасывания фискального и еврейского в Сев. Американские Штаты, Канаду, Аргентину и т. д., и т. д., - такие факты не могли не подорвать

в народах Угрии веры в политический смысл верховодящего в ней мадьяризма и в нравственные основы создаваемого им государства.

Смягчающим вину мадьяр обстоятельством является лишь то, что и славяне немало повинны в таком гипертрофизме этой «политической национальности»: 1) своей разрозненностью – вероисповедной, областной, племенной, особенно же отсутствием общего языка, который мог бы послужить дипломатическим для новой Угрии, подобно тому, как церковнославянский был таковым для Угрии древней; во-вторых же, угро-славяне виновны значительной деморализацией своих верхних слоёв, из среды которых выходили и выходят по соображениям оппортунизма бесчисленные ренегаты-мадьяроны, составляющие, наряду с мадьяронами немецкими и еврейскими, чуть ли не самую фанатическую и шовинистическую часть мадьярской интеллигенции и бюрократии.

С другой стороны, нельзя не отметить, что чисто мадьярские народные массы, насколько они сохранились, вовсе не разделяют славянофобства мадьярской и мадьяронской интеллигенции, а наоборот – доныне находятся в исконно дружественных отношениях к соседним селениям словацким, угрорусским, сербо-хорватским, румынским и т. д., охотно сообщаются с ними на одном из славянских языков и нередко выражают по разным поводам даже активное сопротивление своим мнимым благодетелям из среды немешей или бюрократии.

Из этого видно, что нынешняя система мадьяризма, не имея корней в прошлом Угорского государства, не может опереться и на чувства мадьярских масс, следовательно, является искусственным продуктом либо недомыслия, либо низменного оппортунизма, даже не задающегося какими-нибудь высшими, идеальными целями. Это своего рода пена, взбитая на поверхности народной жизни случайными вихрями, или даже плесень, покрывающая сверху застоявшуюся лужу. Стоило бы только пронестись над ней благодетельной грозой или несколько усилиться противоположному движению вод этого «Блатна», как от указанного национально-язычного новообразования и следов не останется в угорской жизни, которая тогда обновилась бы на своих вековых, кантонно-федеративных (как в Швейцарии) началах.

Х

Совершенная безнадёжность попытки омадьярить все народы Угрии с полной очевидностью представится каждому, кто хоть несколько знаком со взаимным отношением сил этих народов, их ме-

ждународным положением и вообще с процентом народной ассимиляции.

В физическом отношении, по свидетельствам даже мадьярских статистиков, мадьяры не принадлежат к числу сильных и быстро размножающихся народов. Наоборот, они выдаются между прочими народами Угрии по малосемейности и слабому приросту населения. Так, ещё недавно мадьярский статистик Евгений Варга (Varga) в соч. «*Dunkle Punkte oder Vertheidigung der magyarischen Rasse*», сравнивая итоги народного счисления в 1890 и в 1900 гг., обратил внимание на то, что процент рождаемости понизился в Угрии в это десятилетие с 44,2 % на 1000 до 37,4, а кое-где до 24,2 на 1000. В 1890 г. в Угрии было 22 жупании с перевесом рождаемости над смертностью на 10 % на 1000, в том числе 13 чисто мадьярских. По переписи же 1900 г. таких жупаний оказалось только 15 и между ними всего 6 мадьярских. В некоторых кальвинских (след., мадьярских) общинах рождаемость не превышает 18,3 % на 1000, следовательно, ещё ниже французской. В одной общине (Dees в жупании Tolna) в течение указанного десятилетия родилось 388, а умерло 504 лица. В некоторых общинах прекратилось-де и посещение школ за неимением детей школьного возраста¹¹.

Если тем не менее мадьярские статистики утверждают, что относительная сила мадьярского населения возрастает, и что теперь, по переписи 1900 г., оно якобы достигло 50 % всего населения Угрии, тогда как в 1860-х годах, по вычислениям австрийских статистиков, не превышало 38 %, то это самообман, который легко разоблачить простым расчётом национальных контингентов австро-угорской армии. Из 830 т. её состава считается ныне: славян 430 т., немцев 227 т., румын 48 т., итальянцев 14 т., а мадьяр 127 т., т. е. едва 15 %, что при пропорциональной разверстке на Транслейтанию и Цислейтанию или Угрию даёт для последней 38 % мадьярского населения¹². Это приблизительно соответствует и цифрам Чернига, насчитавшего по переписи 1851 г. всего 4 866 т. мадьяр на 36 398 т. населения империи (с Ломбардией и Венецией)¹³.

Но если бы мадьяры составляли в Угрии не треть, а половину населения, т. е. не 5, а 7 или 8 мил. душ, то и в таком случае они были бы по нынешним временам очень мелким и слабым народом, более слабым, чем, напр., поляки или румыны, которые между тем тоже не могут задаваться какими-либо ассимиляционными или вообще по-

¹¹ Ср. *Parlamentar. Wien*, 26 янв. 1902 г.

¹² Там же.

¹³ *Csoernig. Die Vertheilung der Völkerstämme in der Oesterr. Monarchie. Wien*, 1856.

литическими задачами в среде многомиллионных племенных групп современного человечества. Мадыяры, положим, относительно многочисленнее словаков, угрорусов, угросербов, угрорумын, угронемцев и т. д.; но ничто ведь не мешает угорским славянам объединиться на почве какого-нибудь общего языка, напр. русского, и тогда они в совокупности перевесят мадыярскую народность в отношении статистическом. С другой стороны, мадыяры являются оторванным от племенного ствола осколком, который лишён возможности опираться в материальном или нравственном смысле на силы, напр., Финляндии и вообще чудских соплеменников, тогда как все остальные народы Угрии имеют по соседству родичей, напр. румыны - в Молдо-Валахии, сербы - в Сербии, Боснии, Черногории, словаки - в Чехо-Моравии, угрорусы - в Галичине да и вообще в России, немцы - в Германии и т. д. Некоторые из этих народов могут опереться и на большие мировые языки, напр. немецкий, русский, с которыми, конечно, не впору тягаться языку и литературе мадыярской. Да и самая трудность изучения этого чудского языка для народов другого, именно арийского и флексивного происхождения и строения является непреодолимым препятствием для быстрого и глубокого распространения его в среде немадыярских народов Угрии. Эти трудности оказываются даже неодолимыми в низших школах и побеждаются только в школах средних, при громадной затрате времени, конечно, за счёт более важных предметов среднего образования. Немало вредит мадыяризму и давняя расколотовость мадыяр между церквами католической и кальвинской, взаимное отчуждение которых после ожесточённой двухвековой борьбы едва ли может быть устранено какой-нибудь формой унии, на началах вероисповедных или государственно-национальных. Усилившийся ныне в Угрии до опасных размеров юдаизм мог на первое время льстить мадыярам своей готовностью служить под их национальным знаменем, вплоть до открытого отречения от еврейской народности; но экономические и нравственные последствия этого «новомадыярства» (újmagyar) скоро оказались гибельными не только для славян, но и для мадыяр, вызвали переворот отношений аграрных, движение эмиграционное и даже социалистическое, главным образом в жупаниях чисто мадыярских. Понятно, что этот своеобразный неомадыяризм, основанный на действительном или притворном отречении от еврейства, следовательно, на ренегатстве, не мог не понизить и общественных идеалов мадыярской интеллигенции, что отразилось и на всех ступенях жизни государственной, в деморализации учреждений законодательных, административных, даже судебных, как это ещё недавно доказано на страницах «Narodne Noviny» извест-

ным словацким юристом и деятелем Др. Мудронем и подтверждено в новейшей брошюре мадьярского публициста Людвика Мочари.

Невольно вспоминаются при этом слова блаж. Августина: «*Remota iustitia, quid sunt regna nisi magna latrocinia*», которые некогда красовались на первых страницах «*Corpus juris hungarici*»...

Понятно, что при таких условиях, объявив борьбу на смерть всем немадьярским народам Угрии, государственные её люди не могут рассчитывать на патриотическую самоотверженность большинства сограждан. А так как сам мадьярский народ, даже со включением всех мадьяронов, слишком слаб для борьбы с окружающими великими государствами и народами, то при первом столкновении с ними это государство рассыплется, как это уже случилось с ним – правда, по другим, социальным причинам – после битвы под Могачем.

Кардинал Колонич при императоре Леопольде I говаривал, что он «сделает Угрию пленницей, потом нищей, а, наконец, католичкой»¹⁴. Перефразируя это историческое изречение, мы могли бы сказать, что нынешние мадьяры и мадьяроны хотят сделать Угрию ренегатской, потом мадьярской и, наконец, германской. Вся эта политика имеет смысл лишь в предположении, что она ведётся *pour le roi de Prusse*. Но так как последняя не переварила ещё своей Польши, то мадьярская Угория выиграла некоторый срок для предварительного эксперимента.

Источник: *Будилович А.С.* Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1902. Октябрь. № 1. С. 2-13.

Source: *Budilovich A.S.* Modern Magyarism in the perspectives of a Ugro-Slavic history and life. News of the St. Petersburg Slavic Benevolent Society. Oct. 1902. Nr. 1. pp. 2-13.

Будилович Антон Семенович - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ

¹⁴ *Faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam.*

председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.